

Евгений Мазепинъ.

— — — — —

ВОЛОСТНОЙ ПИСАРЬ.

РАЗСКАЗЪ.

— * — * — * — * — *

КАДНИКОВЪ.
Типографія М. И. Киселевскаго.
1905.

Печатать дозволено цензурою.

Г. Москва. 17-го Января 1906 года.

Волостной писарь.

І.

Въ полверстѣ отъ деревни Сосновки стоять одинъ себѣ одноэтажный, обширный, съ мезаниномъ домъ, въ которомъ помѣщается, какъ гласитъ, полинявшая выкѣска. Кузьминское волостное правлениe.

Небольшое крылечко, похожее на будку, ведетъ въ темный коридоръ. Отворя изъ него дверь палѣво, входите въ волостное правлениe,—въ большую свѣтлую комнату съ деревянной посреди ея рѣшеткой. Въ переднемъ углу виситъ икона Спасителя съ лампадкой передъ ней, а на стѣнахъ портреты русскихъ князей, царей и императоровъ. Передъ портретомъ Государя стоять длинный четырехугольный столъ, уставленный массивными стульями. Недалеко отъ него, направо, придинуть въ уголъ для писаря столикъ со стуломъ. По эту сторону рѣшетки тянется рядъ длинныхъ скамеекъ и жмется въ уголу печка-столбянка. Дверь около столика писаря ведетъ въ совѣтальную комнату, служащую и помѣщеніемъ для прѣзирающихъ, и чайной для членовъ волостного правления и суда.

По ту сторону коридора двѣ избы: сборная и арестная. Въ мезанинѣ обитаетъ писарь.

Съ восьми часовъ утра въ правлениe стали собираяться просители и просительницы. Долго они сидѣли одни, дожидаясь появленія писаря. Наконецъ, часовъ въ одиннадцать прибылъ писарь. При его входѣ все

почтительно встали и низко поклонились. Отъ только слегка кивнуть имъ головой и уселся за свой столикъ.

Писарь быль уже пожилой, лѣтъ сорока пяти, вы-
сокого роста, угреватый, съ краснымъ носомъ; имѣть
жену, пятеро дѣтей, получать жалованья пятнадцать
рублей въ мѣсяцъ, ухитрялся жить безбѣдо и перѣдко
выпивать водочку. Ранѣе онъ служилъ регистраторомъ
въ уѣздномъ полицейскомъ управлениіи, откуда его за
изъянство выгнали; въ нуждѣ и за неимѣніемъ другого
выхода, онъ поселился въ Кузьминскомъ волостномъ
правлениі и жилъ въ немъ уже исколько лѣтъ.

Старшина почти ни-во-что не вѣшивался: домъ
его находился отъ правления за десять верстъ, онъ
прѣзжалъ на службу только въ недѣлю одинъ разъ и
то на какіе-нибудь часа три, — поэтому всѣми дѣлами
правления ворочалъ писарь.

Низко наклонившись, онъ строчилъ бумаги, какъ-
будто никого незамѣчая. Мужичекъ, стоявший у рѣшет-
ки за его спиной, долго переминался съ ноги на ногу
и подкашиливаясь, чтобы дать знать о себѣ, но, наконецъ,
потерявъ терпѣніе, нерѣшительно проговорилъ:

— Ираклій Васильевичъ, я къ твоей милости.

— Что тебѣ надо? — не оборачиваясь, спросить писарь.

— Мнеъ наспорть нуженъ.

— Старшины здѣсь пѣть, я выдать бѣзъ него не
могу. Приходи дней черезъ пять: старшина въ это вре-
мя побываетъ, и я тебѣ наспорть приготовлю.

— Нельзя ли какъ-нибудь и бѣзъ старшины выдать, —
просить мужичекъ, а самъ киваетъ писарю головой, что-
бы тотъ вышелъ въ сѣни: такъ какъ въ правлениі быль
народъ, то объясняться при немъ неловко.

Писарь сразу смекнуть въ чёмъ дѣло и говоритъ:

— Эхъ, дома я забылъ табакъ, — надо сходить за иимъ.

Въ сѣниахъ ужъ его дожидается мужичекъ. Писарь

идеть, ровно ничего не замечая.

— Ираклій Васильевич,— обращается къ нему мужичекъ,— я прихватилъ съ собой полбутылочки. Давай, ее разошлемъ вмѣстѣ.

— Да знаешь ли, я нынче водки не пью,— отвѣчалъ писарь, а у самого глаза такъ и заскрились при одномъ упоминаніи о водкѣ.

— Рюмочку-то можно пропустить,— уговариваетъ мужичекъ.— Поступайся меня, выней.

— Такъ и быть, ужъ давай когда выпьемъ. Иди за мной.

Мужичекъ потащился за писаремъ въ мезанинъ.

Закусывая обмаканнымъ въ соль хлѣбомъ, они полбутылочку вмигъ опростали. Серьезная физіономія писаря сразу обратилась въ довольную, сіяющую.

— Ну, какъ, Ираклій Васильевичъ, насчетъ паспорта-то,— заговариваетъ мужичекъ:— вѣдь къ старшинѣ идти далеко, пробродишь взадъ и впередъ цѣлый день, его, можетъ-быть, не застанешь дома; главное-изъ-за моего одного паспорта онъ сюда не поѣдетъ, а мнѣ завтра безпремѣнно надо отправляться на чужую сторону, дожидаться его совѣтъ нельзя... Будь отецъ родной, устрой, чтобы мнѣ сегодня паспортъ можно было получить. Ты вѣдь у насъ голова,— все, что захочешь, сразу можешь сдѣлать.

— Оно-то я безъ старшины не имѣю права выдавать паспортъ; но такъ и быть, для хорошаго человѣка постараюсь устроить безъ лишнихъ волокитъ: я совѣтъ приготовлю паспортъ, ты съ пимъ еходи къ старшинѣ, пусть онъ иодишуетъ ого, тогда сегодня же съ этимъ дѣломъ поправишься.

— Ну, когда и спасибо тебѣ на этомъ; но забуду тебѣ такое добро; какъ. Богъ дасть, ворочусь съ заработковъ, то тебѣ цѣлую бутылочку куплю и скажу: пей,

писарь, за прежнее добро.

Через четверть часа паспортъ былъ готовъ. Передавая его мужичку, писарь предупредилъ:

— Смотри, для подиши сходи съ нимъ къ старшинѣ, иначе паспортъ недѣйствителъ, — тебя съ нимъ заберутъ.

— Какже, я вѣдь для себя буду стараться, — отвѣчалъ мужичекъ. — Съ такимъ видомъ мнѣ вѣдь придется мыкаться по бѣлому свѣту; а никто себѣ не врагъ, — самъ не захочу наводить на себя бѣду.

Мужичекъ отправился къ старшинѣ. Писарь занялся слѣдующимъ просителемъ.

Входить купецъ, мѣстный воротила.

Писарь, какъ воробышекъ, соскочилъ съ мѣста и, встрѣчая дорогого посѣтителя, съ радостью говорилъ:

— Здравствуйте, здравствуйте. Семенъ Николаевичъ, проходите, садитесь вотъ на стулъ. Какими судьбами къ намъ пожаловали?

— Къ вамъ и не хочется, да въ другой разъ зайти, — проговорилъ съ достоинствомъ купецъ, — такъ и теперь мнѣ нуженъ годовой паспортъ, ты его поскорѣе изготоуь.

— Да опо, Семенъ Николаевичъ, старшины-то зѣнь нѣтъ, — безъ него мнѣ выдать нельзя.

— Мне что хонъ дѣлай, а паспортъ сейчасъ же приготовь: хоть роди его, да давай: ждать некогда, дома дѣла много, — сказалъ купецъ и самъ незамѣтно протянулъ къ писарю по столу полтинникъ.

— Не знаю, право, какъ и быть, — говорилъ писарь, закрывая книжкой полтинникъ: — отъ всего бы сердца радъ вамъ усугубить, да могу ли. Вотъ пороюсь, поину, нѣть ли хоть одного бланка съ подписью старшины. Давно, очень давно онъ подписалъ на всякий случай два бланка, но едва ли я ихъ не издержалъ.

Писарь подошелъ къ шкафу и нарочно долго рылся въ книгахъ и дѣлахъ, хотя самъ хорошо зналъ, где

лежать запасная бланки. Наконецъ, постъ долгихъ поисковъ съ восторгомъ проговорилъ:

— Счастливы вы, Семенъ Николаевичъ! — вѣдь, нашелся одинъ бланкъ.

— Ну, нашелся, — тѣмъ лучше. Давай, пиши живѣй паспортъ, — тороплюсь домой.

Не расклоняя головы, писарь настроилъ паспортъ, вручить съ поклономъ купцу, и, проводивъ до дверей, убѣдительно просилъ навѣщать его почше.

Въ правленіи остался одинъ только въ рваномъ полуницубѣ сѣдой старичонка.

— Тебѣ что нужно? — вскинувъ на него глазами, спросить писарь.

— Коню бѣ надо съ рѣшенія волостного суда.

— Еще неготова, приходи черезъ недѣлю.

— Нельзя ли сегодня выдать: ты вѣдь сегодня хотѣть приготовить, я за ней и пришелъ. Въ другой разъ мнѣ ходить далеко, — цѣлыхъ восемь верстъ.

— Некогда, дѣдко, было, работы больно много; ночи вынче не сплю, — все занимаюсь. Вотъ иоосвобожусь, то приготовлю.

— Знамо дѣло, у писаря работы вдоволь, но только и миѣ-то коня больно нужна, да и бродить лишній разъ сюда — не по годамъ. Я тебѣ ужъ двугривенный дамъ, а ты выдай мнѣ коню сегодня, — сѣдѣлай, — добро старику.

— Что ужъ тебѣ, старику, бродить въ правленіе лишній разъ, ужъ я для твоей старости избавлю тебя отъ этой тяготы: посиди немножко, — я приготовлю коню.

— Ну, вотъ, когда и ладно. Ты ее пиши, а я посижу, отдохну съ дороги. *

Писарь занялся со всѣмъ постороннимъ дѣломъ. Черезъ часъ онъ сказалъ:

— Вотъ, дѣдко, и коню тебѣ приготовилъ, — хотя коня ужъ была написана два дня тому назадъ.

— Приготовилъ, такъ и спасибо тебѣ за это. Вотъ тебѣ и за труды двугривенныи. Прощай.

— До свиданія, дѣдко, счастиваго пути.

Кряхтя, старикъ выбрался изъ правленія.

— А ты зачѣмъ сюда пришелъ?—спросилъ писарь только-что прибывшаго просителя.

— Года три тому пазадъ.—начать проситель,—въдостнымъ судомъ присуждено взыскать за потраву съ Ивана Темляка, а въ пользу-то мою пять рублей; деньги до сихъ порь онъ еще неуплатить. То ты сдѣлай милость, постараися ихъ взыскать. Я бы не столь тебя беспокоить, да деньги мнѣ теперь нужны: надо подать платить, а не чѣмъ.

— Ладно, я напишу старостѣ приказъ, чтобы онъ взыскалъ деньги.

— Нельзя ли только поскорѣе: я много разъ просилъ тебя взыскать эти деньги, да все подачи нѣтъ.

— Да у меня не только твоё дѣло; а всѣ дѣла вдругъ не исполнишь, потому что одни приказываютъ, другие предписываютъ, третьяи поручаютъ, четвертые предлагаютъ, пятые просятъ, да и всѣмъ надо сдѣлать какъ можно поскорѣе, тутъ мнѣ не разорваться, чтобы всѣмъ угодить; каждый жди своей очереди: прежде надо начальству приготовить, иначе оно съ меня взыщетъ, а потомъ ужъ и просителей удовлетворить.

— Ужъ ты, писарь, постараися взыскать эти деньги, а я тебѣ за это рублевочку дамъ.

— Ладно, ладно, взыщу твои деньги, будь въ надеждѣ.

Проситель ушелъ. Писарь усердно строчитъ бумаги.

— Ого, времени-то сколько: скоро три часа, пора обѣдать,—проговорилъ вслухъ писарь и стала складывать бумаги... Еще кого-то чортъ несетъ!—съ сердцемъ

сказать онъ, услыхавъ въ стѣняхъ шаги.

И дѣйствительно, въ правленіе вошелъ молодой бойкій парень.

— Ты зачѣмъ? — сердито спросилъ его писарь.

— Да вотъ меня вытребовали отсѣживать въ казаматѣ пять сутокъ.

— За что это тебѣ?

— О Николинѣ днѣ я немножко подулъ Ваську Горохова. Онъ на меня пожаловался волостному суду: меня и присудили къ аресту на пять сутокъ. Это дѣло было давно, болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ.

— Помню я теперь это дѣло.

— Вотъ что, писарь, нельзя ли мнѣ поскорѣе выбраться отсюда. Изладь это, я тебѣ услужу: я съ собой прихватилъ бутылочку, мы вмѣстѣ съ тобой теперь и разольемъ, а опосля, какъ ранѣе меня отпустишь, то я водкой тебѣ досыта напою.

— Идетъ. Я запишу, что ты три дня тому назадъ пришелъ сюда, а дви-то дня ты просиди здѣсь.

— Вотъ и благодарю. А гдѣ бы намъ съ тобой бутылочку роспить?

— Ступай за мнай; я обѣдать стану, передъ обѣдомъ мы ее и махнемъ: тогда славно закусимъ.

— Когда и говорить нечего.

И писарь съ арестованымъ покатили выпивать водочку.

II.

Прошло семь лѣтъ. Старшину смѣнили. Новый попался неграмотный, человѣкъ смиренный, жившій тоже далеко отъ правленія, въ шести верстахъ, то онъ побоялся, чтобы писарь бѣзъ него чего-нибудь не наказилъ, его уволилъ и взялъ другого, Егора Николаевича Смирнова, родомъ изъ деревни Сосновки.

Девяти лѣтъ Егоръ Николаевичъ, а въ то время

еще Егорка, поступилъ въ земское училище, находившееся въ четырехъ верстахъ отъ его деревни. Мальчикъ онъ былъ толковый, учился хорошо. Учитель служилъ у нихъ давно, лѣтъ двадцать, любилъ свое дѣло, и все, что самъ зналъ и что могъ, вкладывалъ въ умъ своихъ учениковъ, Егорка въ чистѣ первыхъ кончилъ курсъ училища. Хотя училище не дало ему обширныхъ знаній, но зато, при малыхъ, но основательно усвоенныхъ съдѣніяхъ, развило въ немъ прилежаніе, терпѣніе, уверенность въ свои силы, смѣливость и твердый настойчивый характеръ.

Отецъ Егорки служилъ въ правленіи сторожемъ и разсыльнымъ. Такъ какъ онъ устарѣлъ, то взять Егорку себѣ на подмогу, а главное, для исправленія разсыльной части. Егорка разносилъ старостамъ и десятскимъ приказы съ разными порученіями отъ волостного правленія и повѣстки участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ о вызовѣ ихъ на волостной судъ.

Волость состояла изъ тридцати деревень, раскинувшихся болѣею частью на дальнемъ другъ отъ друга разстояніи; иногда за одинъ обходъ приходилось побывать въ каждой деревнѣ, то Егоркинымъ ногамъ во временамъ очень доставалось, а особенно осенью въ грязь по-колѣно.

Въ свободное время Егорка писать коніи, приказы, подшивалъ дѣла, и такъ какъ онъ быть любознательный, то приглядывался ко всему порядку письмоводства волостного правленія: рылся въ дѣлахъ, просматривалъ канцелярскія книги и изучалъ ихъ веденіе. Въ правленіи было много кой-какихъ законовъ: уставъ о наказаніяхъ, сборникъ земскаго отдѣла, общее положеніе, воинскій уставъ, уставъ гражданскаго и уголовнаго суда, Х. Т. св. законовъ, гербовый уставъ, даже уложеніе о нак. и др. Егорка все это отъ корочки до корочки про-

читель. Такъ какъ онъ обладалъ прекрасною памятью и изученіе сопровождалось практикою, въ волостномъ правленіи приходится сталкиваться съ самыми всевозможными дѣлами, то многое крѣпко онъ усвоилъ. Но мало онъ пріобрѣлъ свѣдѣній отъ своего предшественника, который въ знаніи законовъ быть „дока“: въ жизни своей онъ гдѣ только и ни служилъ—и въ полиціи, и въ земской управѣ, и въ казначействѣ, и у следователя, и у земскаго начальника, и въ уѣздномъ судѣ. Всѣ это, какъ парня съ головой, охотно принимали, но также охотно при первомъ его заноѣ и со службы за пьянство гоняли. Вездѣ, въ какіе-нибудь два три мѣсяца онъ изучалъ свое дѣло такъ, что ровно вѣкъ на немъ сидѣлъ.

Въ Кузьминскомъ волостномъ правленіи онъ служилъ воль-рядъ восемь лѣтъ и слыть за знатока законовъ. Съ самыми разнообразными дѣлами обращались къ нему мужики: кто за совѣтомъ, кто за составленіемъ прошенія. За совѣтъ онъ ничего не бралъ, сколько ужъ попадеть водочки, а за прошеніе копѣекъ двадцать, тридцать, а много-что полтинникъ, то клиентовъ у него была масса, а съ клиентами много неслужебной работы. Поэтому, даровому своему помощнику, Егоркѣ, онъ былъ очень радъ, щедро его награждая всяkimъ дѣломъ. Видя, что Егорка интересуется законами и кое-что въ нихъ смекаетъ, писарь, какъ подвыпить водочки, то начнетъ изображать изъ себя законовѣда и выкладываетъ передъ Егоркой свои познанія. Егорка всегда со вниманіемъ слушалъ его, удивляясь мудрости своего учителя.

Когда учителя уволили, Егоркѣ ужъ минуло девятнадцать лѣтъ; со службой волостного писаря онъ былъ хорошо знакомъ.

Новый старшина, видя, что у себя есть парень под-

ходящій, не стать искать другого, а взять Егорку къ себѣ въ писаря. Вотъ ужъ теперь онъ стать не Егорка, а Егоръ да и Николаевичъ, служить онъ писаремъ пять лѣтъ, и старшина имъ не можетъ нахвалиться: все то у него ладно, исправно, да и самъ онъ человѣкъ трезвый, всегда на дѣлѣ.

На видъ Егоръ былъ средняго роста, бѣлокурый, съ голубыми глазами; одѣвался въ триковыя пиджакъ и брюки въ заборъ въ катаники или въ русскіе сапоги; зимою носилъ суконную, на борахъ, овчинную поддевку. Почти онъ ни чѣмъ не отличался отъ своихъ земляковъ: онъ родился, выросъ и жилъ среди мужиковъ и больше съ ними имѣть общеніе, то и старался принаравливаться къ ихъ обстановкѣ, чтобы не выдѣляться изъ нихъ, такъ какъ людямъ съ одними взглядами и обычаями гораздо легче жить: они чувствуютъ между собою одинаковыми, нѣтъ между ними никакой натянутости, свободно передаютъ они другъ другу всѣ радости и горести, и тогда интересъ къ окружающей ихъ жизні, для всѣхъ ихъ одинаковъ.

III.

Девять часовъ утра. Егоръ въ иправлениі. Толпа просителей ужъ осаждаетъ его.

— Тебѣ, Платоновичъ, вышла изъ съѣзда копія, ты получила ее,—обратился писарь къ просителю Платонову.

— Какъ Платоновъ. такъ и всѣ остальные жители волости, всѣ почти были ему знакомы.

— Пришла, такъ и ладно. Давай ее сюда.

— Надо росписаться въ полученіи ея. Попроси кого-нибудь.

— Да я не знаю кого просить-то.

— Вотъ попроси Краснаго: онъ грамотный, за тебя роспишется.

— Такъ, роспишись за меня,—обратился Платоновъ

къ Красному.

— Ладно. Давай руку въ знакъ согласья.

Платоновъ подалъ.

— Гдѣ писать-то? — спросилъ Красный, подходя къ писарю.

— Вотъ здѣсь, на самомъ низу этой бумажки.

— Много-то мнѣ не написать: я только и могу выводить свое имя и фамилію.

— Только и надо,—остальное я все приготовилъ.

Красный, шевеля губами, началъ выводить крупными печатными буквами имя и фамилію.

— Поскорѣе пиши, больно ужъ тихо выводишь,—замѣтилъ ему писарь.

— Ничего, братъ, не подѣлаешь, круче не могу... Ну, вотъ, слава Богу и кончилъ. Легче возь дровъ нарубить, чѣмъ подписываться. Дани потъ пропибъ,—говорилъ Красный, утираясь рукавомъ шубы.

— Получай, сказалъ писарь,—подавая копію Платонову.

— Ты ужъ мнѣ прочитай, что тутъ написано.

— Писарь не заставилъ себя ждать, прочиталъ.

— Не ладно они разсудили—говорилъ Платоновъ:— корову и амбаръ я не укралъ, а купилъ, чистыми денежками Ванюкову заплатить тридцать пять рублей; теперь, его ребята и отбираютъ ихъ отъ меня потому, что корову и амбаръ имъ оставила по завѣщанію мать; на самомъ-то дѣлѣ, корова съ амбаромъ не ея, а мужа: корову онъ на свой денежки покупалъ—хотя онъ былъ подживотникъ, но вѣдь, не сложа руки сидѣлъ, что-нибудь зарабатывалъ; лѣсъ на амбаръ онъ вывозилъ самъ, и своими руками его срубилъ, то и воленъ въ своеимъ имѣніи—куда хочеть, туда и можетъ его дѣвать... Ни за что я отъ этого дѣла не отстулюсь—я дальше буду жаловаться,

— Тебѣ жаловаться-то, Платоновъ, попусту; только будуть однѣ липинія издеражки.—сказать писарь.

— Это почему?

— Рѣшеніе съѣзда окончательное, свидѣтели ужъ теперь не принимаются, а безъ свидѣтелей тебѣ откажутъ.

— Да какіе тутъ свидѣтели, если корова и амбаръ Ванюкова: а его жена мало ли что завѣщала: она записала чужое имѣніе, наследники и давай его отбирать. Такъ не годится дѣлать.

— Такъ что ты на судѣ этого не говориць. Ты бы все это судьямъ обсказать, да свидѣтелей выставилъ, что корова и амбаръ принадлежали не женѣ, а мужу, тогда бы рѣшили въ твою пользу, а теперь, для меня такъ какъ хочешь, тебя пусто жаловаться; только напрасно потратишь деньги.

— Чтобы мнѣ, дураку, раньше къ тебѣ прийти; ты мнѣ растолковать бы; а теперь вотъ зря лишился коровы; опять придется остататься при одной, не завести ужъ другой, да и хлѣбъ сыпать будетъ некуда; пуще всего жаль денегъ: вѣдь цѣлыхъ тридцать пять цѣлковыхъ процарапать, а ихъ надо взять у мѣста!

— Такъ ты подай прошеніе въ волостной судъ,—посовѣтовать писарь,—и проси съ того, у кого купилъ корову и амбаръ, взыскать въ пользу твою уплаченныя за нихъ деньги.

— Взять-то съ него нечего: онъ принять быть въ подживотники, свое имѣніе, какое у него было, все продать и пропить, а имѣніемъ его жены владѣютъ ребята, то къ ихъ имѣнію не приступишься. Видно ужъ пропали мои денежки.

— Если взять съ него нечего, то, пожалуй, что такъ. Хоть тебѣ и присудятъ, ценъги, да получить нечего, одна будетъ тебѣ волокита, да издеражки. Лучше ужъ отступиться.

— Видно, писарь, такъ и надо сѣдѣть.

— Да оно и не хуже будетъ. А тамъ, если у него что будетъ, то ты, не пропуская десятилѣтней давности, подай прошеніе въ волостной судъ, и тебѣ присудятъ.

— Ну, прощай когда. Спасибо тебѣ на добромъ словѣ. Прошу въ другой разъ совѣтомъ не оставить.

— Прощай. И тебѣ, Красный, есть копія изъ сѣзыда,—обратился писарь.—Получи ее и распишись.

Красный расписался и сказалъ:

— Ты мнѣ ужъ ее прочитай: написано мелко, мнѣ самому ничего не разобрать.

Писарь прочиталъ копію рѣшенія по дѣлу о взысканіи Краснымъ съ торговыхъ домовъ и съ знаменитыхъ местныхъ купцовъ пятидесяти рублей убытковъ, причиненныхъ ему порчей луговъ при сплавѣ молемъ по бревну, ихъ лѣса. Съѣздъ въ искѣ Красному отказать, потому что отвѣтчики представили условія, по которымъ сплавъ лѣса брали на себя подрядчики, и обязались отвѣтить за все убытки, причиненные береговыми владельцами при сплавѣ лѣса.

— Какъ же такъ, Егоръ Николаевичъ,—удивился Красный, выслушавъ копію:—вѣдь купцы разоряютъ настъ вкорень и суда на нихъ нѣть. Въ прошломъ году у меня одинъ кунецъ вырубилъ лѣсъ. Я хлопоталъ, хлопоталъ—никакого толку нигдѣ не могъ добиться, вездѣ отказываютъ; говорятъ, молъ, должны отвѣтить за порубку приказчикъ, такъ какъ онъ по условію съ хозяиномъ обязался отвѣтить за все убытки, причиненные при вывозкѣ лѣса хозяина; а въ этомъ дѣлѣ опять хозяева сваливаютъ свою вину на подрядчиковъ, съ которыхъ и взять-то можно—только одну горсть во-слосья. Напиши ты мнѣ жалобу губернскому присутствію.

— Мнѣ писать-то жалобъ нельзѧ. Какъ-то я земскому начальнику послалъ заявленіе о выдачѣ копіи,

написанное моей рукой, онъ меня на три рубля опрашовать. Я ни копейкой не попользовался: заявленіе въ услугу изготоили, а самому пришлось низвѣто, непрочто заплатить три рубля. Съ тѣхъ поръ я не смѣю никому писать, чтобы опять не налетѣть на штрафъ.

— Такъ что же мнѣ дѣлать? Хоть посовѣтуй что-нибудь,-съ горестью говорилъ мужикъ.

— Право, я не знаю что тебѣ и посовѣтовать. Самъ я вижу, дѣло твое правое; слѣдовало бы тебѣ присудить деньги съ самихъ хозяевъ; да земскіе-то смотрятъ на это дѣло съ формальной стороны: имъ представили условіе, они и основываютъ свое рѣшеніе на этомъ доказательствѣ, а не войдуть въ твое положеніе, что купцы тебя разоряютъ, а тебѣ и получить съ нихъ за убытки ничего нельзя. Поирай счастли, подай жалобу въ губернское присутствіе. Тамъ, можетъ-быть, войдутъ въ твое положеніе, и рѣшеніе съѣзда отмѣнятъ. Только жалобу надо написать потолковѣ. Ты сходи въ городъ и попроси какого-нибудь ирисяжнаго или частнаго повереннаго составить ее. А всѣ, тогда что-нибудь и выйдетъ.

— Дѣлать нечего, придется тащится въ городъ писать жалобу губернскому присутствію. Мнѣ вѣдь жаль луговъ-то: если теперь ничего съ купцами не взять, то они впредь совсѣмъ лѣсомъ и остатки луговъ ловедутъ, и права будуть.

— Да и въ губернскомъ присутствіи иногда рѣшаютъ дѣла такъ, что просто, прочитавъ его объявленія, развернешь только руками. Такъ, напримѣръ, губернское присутствіе Заслонкину отказалось въ жалобѣ такъ: „хотя съѣздомъ статьи закона примѣнены неправильно, но определеніе по существу правильно“... Я слышалъ, что большую часть тамъ не бываетъ засѣданій, а секретарь одинъ домашнимъ образомъ разсмотриваетъ и разрешаетъ дѣла губернского присутствія, а члены его только его определенія подписываютъ.

Еще тебе пришло объявление из губернского присутствия по дѣлу съ зятемъ.

— Чѣмъ рѣшено?

— Определеніе съѣзда утвердили.

— Вотъ тебѣ и разъ. И другое дѣло не выгорѣло.

Почему же они мнѣ въ жалобѣ отказали?

— Вотъ ужъ и не знаю. Въ объявленіи только и написано, что губернское присутствие выслушало твою жалобу и, за неимѣніемъ въ ней поводовъ кассации, оставило ее безъ послѣдствій.

— Что намъ и за судь, — удивился Красный — наинѣже волостной судь разбирать такое же дѣло о взысканіи Макаровымъ съ зятя восьмидесяти рублей приданаго, даннаго за дочерью, и ему присудили эти деньги; между тѣмъ, мнѣ такъ отказали, хотя у него дочь жила замужемъ съ чѣмъ-то годъ, а у меня даже, и менѣе года; Макаровъ ссылался на свидѣтелей и я тоже; ему можно присудить, мнѣ такъ нельзя. Видно, для волостныхъ судей и земскихъ начальниковъ законъ что выпило, куда его ни поверни, туда и вышло.

— Да и повертывать не надо, — замѣтилъ писарь: — для волостныхъ судовъ, пожалуй и для земскихъ начальниковъ, кроме порядка судопроизводства, никакихъ гражданскихъ законовъ не положено: волостной судъ и земские рѣшаютъ дѣла по внутреннему убѣждѣнію, на основаніе местныхъ обычаевъ.

— Значитъ, какъ ни разсудятъ судьи — и ладно. Тутъ какъ хочешь, такъ и отыскивай свои деньги.

— Ничего, братъ, не подѣлаешь: въ убѣждѣніе судей не вѣрить. И одного и того же рода дѣла они рѣшаютъ неодинаково. Напримеръ, дѣло Макарова приданомъ разбирать одинъ составъ волостнаго суда и земскихъ начальниковъ, который панихѣлъ, что приданое слѣдуетъ возвращать обратно, а твое дѣло

попало на другой составъ судей, которые взглянули на дѣло совсѣмъ иначе. И винить за это—ни тѣхъ ни другихъ нельзя: суды решаютъ дѣла на свое мѣсто, а не на чужомъ убѣжденіи; и каждый судить по своему: одинъ думаетъ—такъ правильно, другой—этакъ. На дѣлѣ выходитъ, что то и другое рѣшеніе правильно. Хотя судьямъ и приказано разъясненіемъ Сената, при руководствованіи мѣстными обычаями, для установленія ихъ, ссылаясь на свидѣтелей, но это у насъ не практикуется: волостные судьи считаютъ достаточнымъ одно упоминаніе, что дѣло решено „на основаніи мѣстныхъ обычаевъ,“ и это все сходить съ рукъ и въ съездѣ и въ губернскомъ присутствіи, поэтому вездѣ оно такъ въ волостныхъ судахъ и ведется.

— Твоя правда—следовало бы мѣстные обычай становить на свидѣтеляхъ, а то угости хорошо волостныхъ судей,—вотъ тебѣ и обычай. Да и такъ оно неудобно. Вонъ, въ прошломъ году нашъ волостной судъ утвердилъ въ правахъ наследства къ купленной землѣ, оставшейся послѣ моего сосѣда Ивана Николаева, одну его вдову, а между тѣмъ, послѣ него осталось еще трое малолѣтнихъ ребятъ, которые, конечно, не жаловались на рѣшеніе суда, и оно вошло въ законную силу. Вдова землю-то продала, и нотаріусъ совершилъ купчую крѣпость. Еще ничего, какъ вдова хорошаго поведенія—то деньги употребить на полезное дѣло, а если худого—то испроторить зря; ребятамъ свое имущество послѣ и взять не съ кого. И бѣдствуя они вѣкъ-то. А вонъ, Кузнецовыхъ ребятъ волостной судъ утвердилъ въ правахъ наследства къ имуществу своего отца даже при его жизни... Да я ужъ у тебя сильно закалялся—надо домой идти. Благодарю на добромъ словѣ.

— Мнѣ бы надо, Егоръ Николаевичъ, довѣренность засвидѣтельствовать,—обратился къ писарю слѣдующій

проситель.

— О чём у тебя довѣренность?

— Да вотъ нась троихъ вызываютъ въ съездъ къ разбору дѣла, то другіе мои товарищи мнѣ даютъ довѣренность.

— Покажи-ка ее.

— На. Вотъ она.

Писарь взялъ довѣренность, просмотрѣлъ ее и сказалъ.

— Гдѣ твои товарищи, которые выдаютъ тебѣ довѣренность.

— Да они подпишались дома и послали меня съ довѣренностью сюда, говоря, что намъ въ правленіе не зачѣмъ ходить: писарь и безъ нась довѣренность свидѣтельствуетъ.

— Безъ нихъ я не могу удостовѣрять подпись рукъ. Можетъ-быть довѣренность подписали не тѣ лица, которыя выдаютъ довѣренность, а совсѣмъ постороннія. Засвидѣтельствуй заочно, тогда и придется отвѣтить.

— Ну, вотъ, стану я тебя обманывать. Да и какая мнѣ изъ-за того корысть.

— Вотъ что я тебѣ скажу: у тебя довѣренность написана на ходатайство во всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ, то придется на нее наклеивать гербовую марку въ восемьдесятъ копѣекъ, а совсѣмъ попусту: ты, какъ участникъ этого дѣла, то безъ довѣренности можешь быть на судѣ и говорить, что слѣдуетъ. Если присудятъ или откажутъ тебѣ, то присудятъ или откажутъ всѣмъ, и довѣренность тебѣ никакъ не поможетъ, только попусту заплатишь восемьдесятъ копѣекъ.

— Какъ-да съѣздъ рѣшилъ не въ нашу пользу, то я въ городѣ найду адвоката, попрошу его написать жалобу и подамъ ее дальше; а безъ довѣренности же мнѣ за товарищемъ подавать нельзя.

— Коню ты получиши не сразу — пефти черезъ дѣвъ или три, ранѣе не выдашутъ; а бѣзъ коню жалобы писать тебѣ никто не станетъ; ждать же ее такое долгое время тебѣ не придется: волей-неволей поспѣхъ суда вужно будетъ идти домой и коню дожидаться. Такъ получишь коню, жалобу вами здѣсь кто нибудь составитъ — у васъ дѣло простое; вы къ жалобѣ вѣтъ трое подпишитесь и сдадите на почту сюда въ правленіе.

— Ты говоришь, что можно обойтись безъ довѣренности и что она совсѣмъ попусту,—то когда мнѣ ее и не надо. Спасибо тебѣ, что избавилъ меня отъ лишнихъ расходовъ. Шутка ли было платить напрасно восемьдесятъ копеекъ: я съ ними ехожу на судъ за цѣлыхъ сто верстъ. Прощай, Егоръ Николаевичъ, и впередъ на совѣтѣ не оставь.

Какъ время-то идеть скоро — взглянуть на часы, сказалъ писарь: уже день ирошелъ, а я съ паро-домъ еще почти ничего не подѣлахъ; работы много — видно придется, не разгибая спины, посидѣть вечерокъ. Теперь что-то есть больно охота — пойду обѣдать.

Онъ занеръ шкапъ съ книгами и дѣлами и покатилъ къ себѣ въ мезанинъ. У него прислуги, кроме разсыльного, никакой не было, то онъ дома хозяйствничать самъ вариль себѣ похлебку, сбираль и убиравъ со стола, и когда отлучался разсыльный, то ставить самоваръ; только одинъ хлѣбъ да пироги не приходилось самому печь: ихъ посыпали изъ деревни, а остальная вся забота о кухнѣ лежала па немъ.

IV.

На другой день, еще въ семь часовъ утра, въ правленіе притащилась старуха и ждала писаря. Когда онъ вошелъ, старуха къ нему обратилась:

— Мнѣ бы надо сыну-солдату послать письмо съ пятью рубликами.

— Дарай письмо сюда.

— То-то, родимый, оно еще у меня не написано: у пась въ деревнѣ некому написать письма-то. То будь ты добренький—напиши мнѣ письмечко-то.

— Да, бабушка, писать-то некогда: у меня своего дѣла много. Непроси кого-нибудь другого.

— Кого я найду? И сюда-то иша—пришла, сдав ноги волочу. Ты ужъ напиши мнѣ письмечко-то, сдѣлай такую милость.

— Есть у тебя бумага и конвертъ?

— Какая у насть, батюшка, бумага и конвертъ: надо за ними идти парочно, въ село за пять верстъ, да и тамъ они не всегда бываютъ.

— Вишь, ты, бабушка, какая ловкая: письмо-то тебѣ напиши, да еще на своей бумагѣ и конвертѣ. Ну, да ладно, гдѣ ужъ тебѣ, старухѣ, бродить, напишу. Говори, что писать-то?

Старуха стала рассказывать, а писарь подъ ея диктовку писать.

— Ну, поклоновъ-то ты поменьше посытай,—замѣтилъ писарь:—а то твое письмо до завтра проишешь; у меня дѣла не только одно твое письмо.

— Онь-то есмъ кланялся. Если не отписать ему поклоновъ, то избидится, скажетъ: все забыли меня на чужой сторонѣ; да и поклоны я посылаю не отъ чужихъ, а все отъ родни: отъ отца, отъ матери, отъ братьевъ, отъ сестеръ, отъ божага, отъ дядей, отъ племянниковъ, отъ сватовъ, отъ сватыонекъ—какъ отъ нихъ поклоны не пошлишь. Кали тебѣ недосугъ, то можно поклоновъ и поотбавить—только частицу написать.

Письмо готово. Писарь записалъ его въ денежную книгу и подалъ старухѣ квитанцію. Старуха заплатила за пересылку, и, поблагодаривъ писаря, поплелась домой,

Въ правеніе вошелъ сельскій староста.

— Ты куда, староста, ходилъ? — спросилъ писарь.

— Ходилъ въ городъ сдавать въ казначейство подати, и, идя обратно, я привернулъ сюда. Помѣть въ книжкѣ, что мною внесено выкупныхъ платежей триста, да земскаго сбора двѣсти пятьдесятъ рублей.

— Давай квитанціи.

— Вотъ онѣ.

Писарь отмѣтилъ и сказалъ:

— Староста, на тебя Матвѣевъ пожаловался земскому, что ты его сыну разрѣшилъ выдать паспортъ. Сынъ его, живя на чужой сторонѣ, будто мало помогаетъ ему, то Матвѣевъ не велѣлъ давать разрѣшенія, а ты его не послушался, выдалъ. Теперь земскій по его прописи требуетъ отъ тебя объясненіе. Что мы будемъ писать по этому дѣлу?

— Правда, что приходилъ ко мнѣ Матвѣевъ и не велѣлъ давать сыну разрѣшеніе на получение паспорта, — говорилъ староста, — но я его спросилъ: „Почему?“ — Сынъ получаетъ въ городѣ жалованья пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, отвѣчалъ Матвѣевъ, а мнѣ посыпаетъ только пять рублей въ мѣсяцъ. Этого мало: худо-худо надо бы ему удѣлять мнѣ по десяткаѣ. — Я ему и говорю: „Если не пошлемъ сыну паспорта, то онъ долженъ воротиться домой; дома же ему у тебя дѣлать положительно нечего —, здѣсь едва на хлѣбъ себѣ заработать.. Будетъ онъ только по посидѣнкамъ бѣгать — отъ него тогда тебѣ не польза.“ Онъ мнѣ отвѣтилъ: — Онъ тамъ сорокъ пять рублей въ мѣсяцъ проживаетъ, а домой на всю семью не хочетъ десяти рублей послать, то пусть когдаѣдетъ домой и ломить крестьянскую работу. — „Одно вѣдь зло у тебя, уговариваю я его: ты вѣдь себѣ пользы не дѣлаешь, да и парню вредишь. Онъ тамъ служить на хорошемъ мѣстѣ, да и живеть хорошо, а ты его отъ дѣла отволакиваешь: себѣ не на пользу, а ему только на одинъ вредъ.“ Но Матвѣевъ

все поеть свое. Тогда я не посмотрѣть на него и даль правленію разрѣшеніе выдать сыну его паспортъ. Такъ ты земскому и опиши все, какъ было на самомъ дѣлѣ.

Писарь изложилъ слово-въ-слово объясненіе старосты, отмѣтивъ въ концѣ еще яснѣ и убѣдительнѣе причины, заставившія старосту, не смотря на возраженіе отца, дать сыну разрѣшеніе на полученіе паспорта. Онъ прочиталъ объясненіе, которымъ староста остался очень доволенъ и подписалъ его.

— Еще къ тебѣ у меня есть просьба,— обратился писарь:— оцѣночное отдѣленіе земской управы просить доставить свѣдѣнія къ 15 сентября сего года объ урожаѣ нынѣшняго года: сколько на десятинѣ посѣяно и собрано ржи, овса и ячменя, сколько снято сѣна и соломы. Ты мнѣ все это скажи.

— А Богъ ихъ вѣдаетъ, сколько чего народилось на десятинѣ: у насть почти ни одинъ хозяинъ не знаетъ, сколько десятинъ у него подъ озимовыемъ, сколько подъ яровымъ и сколько десятинъ сѣнокосу. Если и есть покосы, гдѣ известно количество десятинъ земли, то они съ лѣсомъ и кустарникомъ; на одной десятинѣ покосишь ли и третью ея, а на другой по кустамъ только съ полвоза насбираешь. Отдѣленіе требуетъ доставить свѣдѣнія къ 15 сентября, а у насть же до этого времени не только не молотятъ, но даже нерѣдко еще хлѣбъ остается на поляхъ, то вѣрно сказать объ урожаѣ, не измолотивъ хлѣба, совсѣмъ нельзя. Соври имъ что nibудь.

— Вратъ и придется, да такъ и олѣдуетъ. Одинъ заѣдущій оцѣночныемъ отдѣленіемъ получаетъ полторы тысячи жалованія, а насть заставляеть задаромъ имъ работать. У насть не только, что ихное дѣло: своей работы по горло. За недостаткомъ времени, волей-не-волей приходится посыпать имъ вранье; а они тамъ, по-

лучая большія жалованія, только сидѣть въ управѣ, да наше вранье переписываютъ—переливаютъ изъ пустого въ порожнее. Лучше было бы: Фхали бы сюда сами и на мѣстѣ сбирали точныя свѣдѣнія, чѣмъ составленіемъ вранья заниматься. Еще говоритьъ, что они люди ученые, а врашьемъ, занимаются. Оцѣночное отдѣленіе еще не тащь, а податной насть совсѣмъ замучить со своими свѣдѣніями: хоть бросай все оставленное дѣло и работай ему одному.

— Если и толкомъ-то сбирать свѣдѣнія на мѣстѣ и то точно не опредѣлить урожая—говоритъ староста.—Тогда, но крайней мѣрѣ, хоть можно въ каждомъ обществѣ урожай вывести около дѣла. Теперь же,—если помѣтить урожай попа, то для волости будеть черезъ чуръ добръ, если исправнаго мужика—хорошъ, если средней руки—по-рядочный, а если худого—плохъ. У попа рожь уродилась сама пятнадцатая, у бѣдняка сама четвертая; напиши то или другое—будеть вранье: одинъ урожай выйдетъ очень ужъ хороший чѣмъ на самомъ дѣлѣ, а другой—худъ. Средній же урожай богатаго и бѣднаго землевладѣльца, выводить тоже нельзя, потому что количество исправныхъ крестьянъ и бѣдняковъ далеко не одинаково: урожай тѣхъ и другихъ между собою разнятся. Да я не знаю, на что имѣть такія короткія свѣдѣнія: по нимъ о богатствѣ крестьянъ ничего не узнать. Одинъ хозяинъ и много хлѣба сбереть, да у него семья большая, двѣнадцать человѣкъ, то хлѣба у него не только не хватить, но еще придется прикупить, а другой хоть и немногу на-молотить, да онъ живеть самъ—другъ съ женой, мало имѣть и хлѣба надо, то у ихъ хлѣба отъ каждого года даже остается. Тутъ по урожаю, но зная числа фѣодовъ семьи, о богатствѣ совсѣмъ не узнать. Чтобы имѣть вѣрныя свѣдѣнія, необходимо наводить болѣе подробнѣя справки, отмѣтить урожай каждого землевладѣльца и количество

его семьи. Это не такъ много составить работы, какъ думаютъ; да и сдѣлать можно очень просто: въ каждой деревнѣ у насть грамотныхъ ребята довольно; осенью и зимою по вечерамъ они ничего не дѣлаютъ и рады хотя какой нибудь работѣ; если дать имъ бланокъ да рубль денегъ, то они сберутъ, каждый въ своей деревнѣ, самыя подробныя и вѣрныя свѣдѣнія; а дѣло сумѣютъ сдѣлать: больно не трудно отмѣтить имя, отчество и фамилію землевладѣльца, количество семьи, посѣва и урожая. Въ нашемъ уѣздѣ есть съ тысячу деревень; если земство израсходуетъ лишнихъ тысячу рублей на учетчиковъ и пятьсотъ на бланки, то, по крайней мѣрѣ, будетъ знать правду. Теперь на одно вранье расходуетъ три тысячи рублей, все-равно что въ петь ихъ бросаетъ: отъ вранья имъ нѣтъ никакой пользы. И ты со-ври имъ что-нибудь—пусть они во враньѣ тамъ путаютъся.

— Да надо имъ совратъ потолще, чтобы они и впе-редъ не затрудняли насть пустой работой. Мой предше-ственникъ такъ тотъ умно дѣлалъ: какъ-то въ свѣдѣніяхъ закатилъ урожай ржи самъ-сорокъ, а овса самъ-двадцать пять и представилъ ихъ въ оцѣночное отдѣле-ніе. Оно, хотя въ урожаяхъ ничего не смыслить, такъ какъ въ немъ сидятъ люди ученые, которыю въ хозяйствѣ ни ткнуть не знаютъ, поняли все-таки, что имъ его соврали, да черезъ-чуръ толсто, и перестали утруждать своими требованіями. Но что-то нибудь надо мнѣ имъ написать; ты скажи мнѣ хоть примѣрно средній урожай.

Староста рассказалъ, и писарь помѣтилъ на бланкѣ требуемая свѣдѣнія,

— Вотъ еще податной инспекторъ проситъ доста-вить списокъ кружевницъ нашей волости, чтобы заста-вить ихъ взять промысловое свидѣтельство.

— Ну, братъ, это совсѣмъ напрасно. Иная кружевница, дѣвчонка и въ зиму-то наплется на какой-нибудь четвертакъ—а какъ на это выправлять ей свидѣтельство, то, покорно благодарю, не стоитъ шкура выдѣлки. Ты ужъ лучше сообщи, что у насъ кружевницъ нѣть и что бабы занимаются пряжей.

— Пожалуй, я такъ и сдѣлаю.

— Мнѣ ужъ пора идти домой. Прощай.

— До свиданія.

V.

Вскорѣ въ Кузьминское волостное правленіе пріѣхалъ слѣдователь. Въ правленіи находился одинъ писарь: разсыльный ушелъ съ приказами по волости. Слѣдователь былъ знакомъ писарю, такъ какъ онъ нерѣдко посещалъ правленіе, гдѣ иногда, производя слѣдствіе, жилъ по нѣсколько сутокъ. Писарь съ радостью встрѣтилъ его, какъ хорошаго знакомаго, а не грознаго начальника и спросилъ:

— Не хотите ли чаю?

— Пожалуй, онъ не мѣшиаетъ: погода стоитъ холода—я озябъ, надоѣло отогрѣться. Скажите, пожалуйста, разсыльному, чтобы онъ поставилъ самоваръ.

— Разсыльного нѣть, ушелъ съ приказами. Я самъ сейчасъ скипячу самоваръ.

— Да гдѣ вамъ самимъ хлопотать—не ставьте: я ужъ лучше подожду, когда разсыльный воротится.

— Ничего, мнѣ недолго поставить. Я для васъ съ удовольствіемъ его согрѣю.

— Вотъ что я васъ попрошу: разсыльный ушелъ, а мнѣ необходимо вызвать народъ,—нѣть ли у васъ кого-нибудь въ правленіи, хоть изъ постороннихъ, чтобы послать его за десятскимъ для созыва народа.

— На ту пору никого не привелось; но вы обѣ этомъ не беспокойтесь: вотъ я поставлю самоваръ и, покамѣстъ,

онъ кипитъ, сбѣгаю за десятскимъ—здѣсь близко.

— Минь, право, совѣстно васть утруждать. Можно немножко и подождать: кто-нибудь подойдетъ, то сходить.

— Ничего, я сбѣгаю.

Поставивъ самоваръ, онъ живо воротился съ десятскимъ, который, получивъ порученіе, немедленно отправился за народомъ. Тѣмъ временемъ скипѣлъ самоваръ. Писарь поставилъ его на столъ и собралъ посуду.

— Вы зачѣмъ заварили чай,—сказалъ слѣдователь:— у меня вѣдь свой есть.

— Не стоить вамъ обѣ этомъ разговаривать: чай, не Богъ знаетъ, что стоить.

— Садитесь со мной чай пить.

— Кушайте одни, я и потомъ напьюсь.

— Садитесь бѣзъ всякаго стѣсненія. Вотъ уже вамъ стаканъ налить; закусите булки, сухарей, колбасы—чего хотите.

— Благодарю васть. Хорошо когда, я стаканчикъ выпью.

— Кушайте на здоровье. Вы давно здѣсь писаремъ?

— Уже седьмой годъ попель.

— Нравится вамъ эта служба?

— Не знаю, право, какъ вамъ и сказать—самъ себя обѣ этомъ я никогда не спрашивалъ. Хоть нравится или не нравится, служить надобно—дома жить нечѣмъ: семья у насъ большая, девять человѣкъ, хлѣба на годъ далеко не хватаетъ, земли мало, кромѣ меня въ семье работниковъ довольно, то я дома совсѣмъ лишній; волей-неволей и приходится пріискывать другое занятіе. Вотъ служу писаремъ и думаю: и то слава Богу, что имѣю кусокъ хлѣба.

— Гдѣ вы учились?

— Въ земскомъ училищѣ. Учитель у насъ попался очень хороший, кончившій учительскую семинарію,—онъ

научилъ меня уму-разуму. Не поучись въ училищѣ, то теперь пасъ бы по лѣтамъ коровъ.

— Сколько вы получаете жалованія?

— Жалованіе у насъ маленькое—пятнадцать рублей въ мѣсяцъ. Изъ нихъ домой даю на подмогу хозяйства три рубля. И приходится содержаться и одѣваться на двѣнадцати рубляхъ. Хоть и въ деревнѣ, да надо больно аккуратно жить, чтобы на двѣнадцати рубляхъ въ мѣсяцъ прокормиться и не въ тряпкахъ ходить. Конечно, еели бы жить такъ, какъ жилъ мой предшественникъ, который, елико-возможно съ кого, дралъ деньги за каждый пустякъ, то, при трезвомъ поведеніи, можно бы мнѣ денежки имѣть. А у меня не такой характеръ: мнѣ ни за что не взять денегъ за услугу по волостному правленію. Подумаешь: „я получаю за работу жалованіе, а еще какъ стану брать съ каждого просителя деньги, то это будетъ съ моей стороны пехорошо: мужики, волей-неволей, отадутъ тебѣ трудовыя деньги, которыхъ платить имъ не слѣдуетъ, такъ какъ за свою работу писарь получаетъ жалованіе, собранное съ нихъ же,—а съ одного и того же вола двухъ шкуръ не деруть; иногда самимъ мужичкамъ деньги очень нужны, а тутъ приходится ихъ совсѣмъ напрасно отдавать“. Какъ разсудишь объ этомъ, то, хотя тебѣ очень предлагаютъ взять деньги, возьмешь, да наотрѣзъ и откажешься отъ нихъ.

— Куда вы гулять ходите? Есть у васъ въ волости хоть какое-нибудь общество, гдѣ вы всѣ вмѣстѣ собираетесь сидѣть?

— Какое-то вы вздумали у насъ общество. А особенно какъ у меня—такъ нѣть не только общества, но даже близкихъ знакомыхъ. Я, какъ говорится, ни ракъ ни рыба; отъ одного берега отсталъ и къ другому не присталъ. Уже вмѣстѣ съ деревенскими ребятами бѣгать по посидѣнкамъ, мнѣ какъ-то не пристало; хотя я не

стороплюсь ихъ и стараюсь жить по-дружески съ пими, но они смотрятъ на меня косо, чуждаются меня. какъ-будто я имъ какая-то неровня; да что мои года, двадцать пять лѣтъ, ходить на посѣтѣніи у насъ не принято. Село отъ насъ въ шести верстахъ; туда я хожу-только къ обѣдни; пигдѣ тамъ не бываю: вѣзать въ знакомство съ попами да купцами—я самъ не хочу, потому что они на нашего брата, иисарой, смотрятъ ужъ болѣе худо, считаютъ ровно по-низко водить съ нами, писарями, компанію. Они сторонятся меня, а я не хочу навязываться, если имъ меня не надо. Да если ходить по гостямъ, то и къ себѣ нужно принимать, а на моемъ жалованіи—не до гостей, далеко на двѣнадцати рубляхъ въ мѣсяцъ не разгулишься, только, дай Богъ, самому вытому быть. И иногда скучно сидѣтъ, сходить бы посидѣть въ деревню къ своимъ соѣдямъ, да идти боишься: какъ-да кто пріѣдетъ, земскій или кто другой, то начоныи получишь. И заблагоразсудишь, что ужъ спокойище дома сидѣть. Такъ и проябашь постоянно въ правленіи, перебиваясь изо-дня-въ день съ одними мужиками, съ которыми о ихъ дѣлахъ и калякатъ-то надоѣть. Если заѣдотъ сюда какой чиновникъ, то думаешь чтобы только поскорѣе онъ убрался отъюда. Радь, очень радь быль бы, если бы все посыпали такие люди, какъ вы; ждешь и встрѣчашь насъ, ровно дорогого гостя: по крайней мѣрѣ, съ вами, какъ съ хорошимъ человѣкомъ, по душѣ поговоришь. А то пріѣдетъ изъ полиціи какой-нибудь гропевый нисоцъ и ломаетъ изъ себя, Богъ знать, какого начальника, кричить на меня, разспоряжается, словно я его подчиненпный; чуть скажешь не по ему, заоретъ еще пуще, затопаетъ ногами, загрозить нажаловаться земскому. „Лучше ужъ отъ дурака отступиться,“—подумаешь иногда... и принимаешь его за начальника. Онъ напьется моего же чаю, да сѣсть

мой же обѣдъ, и ровно такъ и надо, не сказать даже спасиба, покатить далѣе.

— Вы бы въ шею гнали такихъ начальниковъ, чтобы они впередъ не позволяли съ вами такъ обращаться.

— Мое-то дѣло болѣво маленькое; оскорбиши его, онъ нажалуется земскому: тотъ ему, а не мнѣ, повѣрить,— и отдѣлывайся тогда штрафомъ или арестомъ.

— Ну ужъ, незавидное ваше житѣе. Вы бы поступили на другую службу.

— Куда же возьмутъ меня съ образованіемъ сельскаго училища? Нынче кончившіе гимназію да университетъ, живутъ иногда безъ всякаго дѣла, а мнѣ такъ и соваться нечего. Видно, весь вѣкъ придется треняться писаремъ.

— Работы у васъ много?

— Если по настоящему заниматься, хватило бы на троихъ, а тутъ одному приходится все исполнять. Однѣхъ книгъ нужно вести—такъ ихъ не скоро пересчитаешь: рѣшений волостныхъ судовъ, сдѣлокъ и договоровъ, постановлений волостного правленія, волостныхъ приговоровъ, податей, запаснаго мѣрскаго капитала, прихода и расхода по волостному правленію, не одна книга учета запасныхъ нижнихъ чиновъ, паспортовъ, входящая, исходящая, квитанціональная книга въ пріемъ на земскую почту денежной и страховой корреспонденціи, для выдачи корреспонденціи и другія; даже перечислять книги надо время, не только вести ихъ. Писарь, хотя и не въ полномъ объемѣ, долженъ быть знакомъ: и съ веденіемъ судебныхъ дѣлъ, и съ нотаріальной частью, и съ правами сельскихъ должностныхъ лицъ, и съ конторскимъ дѣломъ, и съ военнымъ и съ гербовымъ уставомъ, и съ дѣлами судебнаго пристава, и полиціи, и почты... Какихъ только дѣлъ ни приходится дѣлать волостному писарю, и за какихъ-нибудь

пятнадцать рублей въ мѣсяцъ!

— Нынче вѣкоторые земства хотять имѣть болѣе образованныхъ писарей, кончившихъ городское училище и знакомыхъ съ ихъ дѣломъ, для чего набираютъ мальчиковъ для подготовленія при уѣздномъ съѣздѣ земскихъ начальниковъ.

— Не знаю, выйдетъ ли что изъ этого. Изъ городскихъ училищъ нынче выходъ хороший: и въ техническія, и въ лѣсныя, и въ фельдшерскія школы, и въ учительскія семинаріи ихъ приимаютъ, то я думаю, мало найдется охотниковъ трениваться волостнымъ писаремъ на грошевомъ жалованіи. Да въ съѣздѣ они многому не научатся, развѣ что познакомятся только съ судебнымъ дѣломъ, а остального имъ безъ практики основательно не понять, тѣмъ болѣе, въ съѣздѣ и обучать ихъ некому: секретарь и писцы сами не знаютъ дѣла волостного писаря, то немногому научать своихъ учениковъ. Если которые изъ нихъ и поступятъ на должность волостного писаря, то, навѣрное можно сказать, что они вскорѣ сбѣгутъ съ ней. Вотъ жизнь учителей не нашему чета: жалованіе у нихъ больше, отъ военной службы освобождаются, свободного времени много, служба самостоятельная, почти ни отъ кого независимая, при старости или болѣзни земство даетъ пенсионъ, дѣти ихъ обучаются безплатно и нерѣдко на счетъ земства въ гимназіяхъ и университетахъ — но все-таки некоторые бѣгутъ изъ деревни; остаются тѣ, если кто женился и пообзавелся хозяйствомъ, да кому дѣваться больше некуда. Хорошо, что на ихъ мѣста приимаютъ женщинъ, съ небольшимъ образованіемъ, а то, пожалуй, некому было бы учить ребята. Теперь уже въ училицахъ учительницъ будетъ вдвое больше чѣмъ учителей. Если люди и при хорошихъ льготахъ бѣгутъ изъ деревни, то неужели они,

не имѣя ничего такого, будуть жить въ писаряхъ, гдѣ служба—хуже не надо? Писаря жалованье получаютъ маленькое—едва на хлѣбъ, на соль; нѣть у нихъ никакого отдыха; занятья изо-дня въ день круглый годъ, нѣть у нихъ никакого праздника; если праздникъ—работы еще большиe: народъ выбираетъ свободный день и идетъ въ правленіе за дѣломъ; отлучился и ненадолго—боишься: какъ-да кто пріѣдетъ, налетиша подъ наказаніе; чуть по службѣ неисправность, не только отъ себя, а по незнанію,—жди себѣ бѣды: каждый день дрожжи, что земскій за какое-нибудь пустяшное дѣло подвергнетъ тебя аресту или штрафу; правильно или неправильно онъ накажетъ. жаловаться некуда, а безъ разговоровъ тащись за сто верстъ подъ арестъ или плати штрафъ. Ну, въ другихъ службахъ хоть мѣста крѣпки, а у насъ—хорошо, что нравишься земскому и старшинѣ, да по нимъ все дѣлаешь, а чуть что, ступай куда угодно, ищи гдѣ хочешь, себѣ мѣста; особенно, при перемѣнахъ старшинъ, часто гоняютъ нашего брата. Да и жалованіе у насъ неопредѣленное: платятъ мнѣ пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, найдутъ сходомъ, что оно велико, что можно и подешевле писаря нанять... и сбавятъ тебѣ четыре рубля. Тогда хочешь-не-хочешь, живи на одиннадцати рубляхъ, а то ступай на всѣ четыре стороны бѣлага свѣта. Въ другія-то мѣста насъ не сильно принимаютъ, потому что про насъ слава идетъ, что мы, писаря, всѣ пьяницы. Не знаютъ они, вѣдь не съ радости, а съ горя пьеть писарь: у него только и удовольствія—забыться отъ водочки. Иногда раздумаешься про свое горе-горькое житѣе, то, если бы не жаль семьи, пошелъ бы куда-нибудь жить изъ-за одного только хлѣба. Нужда, крайняя нужда заставляетъ служить насъ писаремъ, а то, Богъ съ ней, съ этой и службой-то: бываетъ отъ нея на сердцѣ такая тоска, что не знать

бы куда и дѣваться!

— Вы бы женились; все-таки семейному веселѣю жить. А то одни, да одни.— и пайдеть на вѣсъ тоска.

— Я самъ про это думалъ нѣсколько разъ, но все еще не могу рѣшиться. Пуще всего надоѣло самому хозяйничать—заниматься бабынью дѣломъ. Если же поговорить—придется своихъ бросить; уже женатому изъ моего жалованія совсѣмъ имъ будетъ нечего давать; а если пе помогать отцу старику, тогда ему—надѣвай на руку корзину... И жаль покидать семью, своихъ братишекъ и сестренокъ. Только ужъ развѣ, расположившиесь на волю божію, жениться, не раскидалия далеко умомъ, какое тамъ житѣе будетъ. Всего хуже у насъ съ дѣтьми: они, выросшіи въ другой обстановкѣ, не крестьяне; земли мало—нечего и думать, чтобы ребята землей прожили. Учить въ городѣ—дорого стоитъ, не по средствамъ; если мало поучить—дѣваться почти совсѣмъ некуда; только и остается: поучивъ своихъ ребятъ въ сельскомъ училищѣ, вріучать ихъ къ писарскому дѣлу, или отдавать въ городъ торговцамъ въ мальчики, куда и то нескоро устроишь. А когда придетъ старость, или постигнетъ тебя болѣнь, что не въ состояніи будешь работать, ужъ не жди себѣ никакой помощи—никто не позаботится о тебѣ и пе поможетъ въ несчастии... Лучше ужъ не задумываться о своемъ житїи, а живи съ пословицей: утро вечера мудренѣ.

Теперь посудите сами: неужели люди, которые имѣютъ возможность устроиться лучше, согласятся служить волостнымъ писаремъ?... Что это я заболтала,—спохватился писарь:—вы навѣрио закусить хотите; не угодно ли вамъ: у меня есть масло и лица—я селянку вамъ приготовлю.

— Хотя закусить мнѣ хочется, но мнѣ совѣстно вѣсъ утруждать: и безъ того я надѣлать вамъ много хлопотъ.

— Ничего, это недолго. Я сейчас вамъ приготовлю.

Вскръ появилась на столѣ селянка. Стѣдователь, болталъ съ писаремъ, съ удовольствіемъ поѣхъ. Допросивъ свидѣтелей, онъ, поблагодаривъ отъ души писаря, подалъ ему за угощеніе рубль. Писарь не бралъ. Пришлось, уѣжая, оставить рубль на столѣ.

VII.

Зима. Утро. Въ правленіи холодно. Писарь сидѣть за столомъ и жмется въ своемъ пиджачинкѣ. Отъ холода онъ даже весь посинѣлъ.

— Что ты, Васька, какъ худо топишь; смотри, какая у тебя стужа,—обратился онъ къ разсыльному, молодому, небольшого роста, парнику лѣтъ восемнадцати.

— Кажется, я хорошо топилъ; не знаю, отчего это такъ холодно.

— Ты вѣдь вчера не весь вече топилъ?

— Всѣ, кроме одной.

— Ну, братъ, сегодня и эту истопи.

— Ладно. Да только, Егоръ Николаевичъ, дрова-то больно сырь—опи пищатъ, а ничего не горятъ.

— Ты небольше клади—ихъ не жалѣй.

— Я и то не жалѣю, полную печку кладу, но ихъ по часу и болѣе неможно растопить—гаснутъ да и все; покамѣстъ растапливаешь, въ правленіи все и выстыдѣшь. Дрова-то бы къ ночи класти; тогда бы они посохли, скорѣе растопились бы.

— Лучше ужъ я въ холодѣ посыжу, а къ ночи дровъ ты не клади. Пожалуй, еще пожаръ наѣздишь: дрова насохнутъ, да и загорятся, тогда снашимъ мы съ тобой правленье-то.... Да вай, скорѣе поворачивайся: надоѣжать съ повѣстками по волости—въ сто воскressеніе будеть волостной судъ.

— Много повѣстокъ-то нужно разносить?

— Порядочно, по десяти дѣланій; въ шести дерев-

няхъ придется побывать.

— А въ которой конецъ надо идти?

— Къ деревнѣ Васютинской.

— Ого, какъ далеко: вѣдь въ одинъ конецъ верстъ двѣнадцать будетъ. Если дожидаться, когда печки пропоятся, то миѣ сего дня домой не воротиться.

— Ты только наклади дровъ, да затопи, а я посмотрю за печками, пошевелю и скутаю. Лучины-то въ пѣчь побольше подложить, а то какъ въ прошлый разъ посмотрѣлъ послѣ тебя — всѣ печи погасли; пришлось всѣ самому подтоплять.

— Лучины-то я кладу много, да дрова-то не суhi; а сегодня постараюсь, чтобы тебѣ не пришлось послѣ меня подкладывать растопки.

Черезъ часть разсыльный сказалъ:

— Печки затопилъ. Давай повѣстки — я сейчасъ по волости отправлюсь.

— На, вотъ. Ступай. На что гармонью-то берешь — вѣдь теперь съ ней руки себѣ отморозишь.

— Не люблю я безъ гармоніи ходить. То-ли дѣло, какъ тальянку разведешь — всѣ въ окна на тебя глядятъ. Да и волокомъ ее разведешь, когда идешь ночью, то куда-какъ веселѣе.

— Еще зайди по пути къ старишинѣ и скажи, чтобы онъ вотъ эти бумаги подписалъ.

— Ладно. Хоть у него чаю напьюсь. Больше ничего?

— Ничего. Ступай.

Разсыльный складъ въ кожаную сумку бумаги, повѣстки и пироги, вскинувъ ее черезъ плечо, и выйдя изъ правленія, нахлобучилъ на одинъ бокъ шапку, развелъ гармонію и покатилъ съ повѣстками по волости.

Въ воскресеніе, послѣ обѣдни, часовъ около двѣнадцати, въ сборной избѣ мужики шумно разговаривали, дожидались суда. Писарь, провѣривъ вызываемыхъ, от-

мѣтиль, кто не явился.

Судьи, въ суконныхъ шубныхъ поддевкахъ со знаками на груди, усѣлись за столъ. Писарь примостился сбоку.

— Сейчасъ будеть разбираться дѣло о нанесеніи побоевъ Петрову Федоровому,—сказалъ предсѣдатель.—Кто явился по этому дѣлу?

Подошли пять мужиковъ: обвинитель, обвиняемый и три свидѣтеля.

— Свидѣтели, выйдите въ сборную избу,—сказалъ предсѣдатель.

Свидѣтели вышли. Писарь прочиталъ прошеніе.

— Разскажи, Петровъ, какъ у васъ было дѣло,—обратился предсѣдатель къ потерпѣвшему.

Петровъ, сухощавый, вертлявый мужиченка, откашливавшись въ ладонь, началъ:

— Около Ильина дня у нашего попа была помочь—косили пожни. На помочи было много народа. Попъ настъ водкой изрядно угостили. Домой нась отправилось пятеро: я, Федоровъ и еще трое, которые теперь свидѣтелями. Шли мы дорогой и, какъ были повыпивши, шумно разговаривали... Вдругъ, хлесь меня Федоровъ по уху, да и давай трепать, ровно сидорову козу!... Я не знаю, что бы онъ со мной сдѣлалъ, какъ бы товарищи ни пристали, ни оттапцili его: кажется, до смерти прихлесталь бы. И за такие мнѣ побои прошу васъ, судьи нраведные, наказать Федорова по закону?

— А что ты, Федоровъ, его колотилъ?—спросилъ предсѣдатель.

— Да что, ужъ надо правду говорить,—началъ здоровый рыжій Федоровъ.—Шли мы съ помочи пьяные, и меня Петровъ, не знаю и за что, сталь всячески ругать. Я не словистъ, не могъ на словахъ отъ него отбороnиться—и потрапалъ его немножко.

— Ты за что, Петровъ, его брашилъ,—обратился предсѣдатель.

— Онъ у меня полосу перекосилъ. Пьяной-то я припомнилъ, ну и стала ему говорить.

— Говорить-то ты могъ, а ругать-то его не слѣдовало, Видишь: ты самъ началъссору, а жалуешься на Федорова, чтобы его наказали. Вась обоихъ надо посадить подъ арестъ: чтобы одинъ напрасно не позорилъ, а другой, чтобы зря рукамъ воли не давалъ. Если тебя оскорбили, то ты долженъ жаловаться, куда слѣдуетъ, а не своимъ судомъ расправляться. Вы оба виноваты, то надо помириться.

— Я такъ мирился не прочно,—сказалъ Федоровъ.—Что ужъ дѣлать—если онъ меня всячески обозвалъ, то я ему обиду прощаю. А на счетъ полосы онъ напраслину на меня говорить: полосу-то перекосила невзначай моя баба; я замѣтилъ это тогда, когда стоять уже сметали. Если ему жалко охабки сѣна, которое мы убрали съ перекосу, иначе, какъ оставить, оно также бы сгнило, то пусть онъ у меня возьмется двѣ охабки сѣна, и я ничего про это не скажу.

— Ну, что, Петровъ, ты миришься съ нимъ.

— Какже, судьи праведные, мнѣ съ нимъ мириться-то, посудите вы сами: ну, я его хоть немножко и поругалъ, то невелика бѣда, его не убыло, а онъ такъ меня отгuzилъ, что я три дня пролежалъ—не могъ работать.

— Ты, Федоровъ, попроси у него прощенія.

— Ну, виновать передъ тобой, такъ прости,—кланяясь въ поясъ,—говорилъ Федоровъ.—Оба мы съ тобой были пьяны, то не съ ума, а съ вина поссорились. Были бы трезвые, этого не случилось бы.

— Да отъ побоевъ-то я убытку понесъ—три дня не работалъ. Вѣдь это чю-нибудь стоитъ.

— Вотъ что вы лучше сдѣлайте,—посовѣтовать пред-

съдатель:—уговариваться-то выйдите въ сѣни.

— Такъ что, пойдемъ,—сказалъ Петровъ.

— Идемъ,—согласился Федоровъ.—Тамъ гораздо лучше: уговориранія свободнѣе.

Тѣкущіе вышли.

— На чёмъ мы съ тобой будемъ мириться-то? спросилъ Федоровъ.

— Давай на мировую два рубля, я помирюсь, а иначе ни-за-что не спущу.

— Что ты—два рубля! Съ ума ли что-ли ты, парень, спятилъ.

— Ничего не спятилъ. Я изъ-за тебя три дня потерпѣлъ; въ это времѧ два-то рубля вполнѣ досталъ бы.

— Ничего не досталъ бы. Ты бы не одинъ день съ похмелья на печи зря бы провалялся.

— А ты то много ли даси?

— Такъ и быть—я куплю бутылку водки; мы ее вмѣстѣ разошлемъ—и на что лучшее мировой. Да и наше-то дѣло съ тобой совсѣмъ—грѣхъссориться, лучше жить въ ладу. Если мы теперь помиримся, то и отъ воловиты оба избавимся.

— Ну, ладно когда, такъ и быть—я согласенъ. Пойдемъ писать мировую.

— Мы помирились, наше дѣло прекратите,—сказалъ Петровъ, войдя въ правленіе.

— Помирились, такъ и ладно сдѣлали,—сказалъ предсѣдатель:—вѣдь худой миръ лучше хорошей ссоры. Запиши. писарь, мировую. Разсыльный, позови сюда свидѣтелей. Вы можете идти домой,—сказалъ свидѣтелямъ предсѣдатель.

— Мы потеряли цѣлый день—и напрасно: насъ вызвали—и не спросили; они, вишь, затѣяли дѣло, да и помирились,—то нельзя ли памъ съ нихъ поденщину присудить.

— Это вы какъ хотите, такъ съ ними и раздѣляйтесь, а намъ присудить нельзя,—объяснилъ предсѣдатель.—Теперь ступайте домой.

Всѣ участники этого дѣла вышли изъ правленія. На улицѣ свидѣтели пристали къ Федорову и Петрову.

— Вы нась совсѣмъ напрасно изволочили,—говорили они.—Цѣлый день попусту мы неѣвиши просидѣли изъ-за васъ въ правленіи, то хоть за это угостите нась чаемъ съ кренделями.

— Оно, пожалуй и слѣдуетъ ихъ угостить,—сказалъ Федоровъ:—вѣдь они изъ-за нась потеряли цѣлый день. Давай ужъ пополамъ угостимъ ихъ чайкомъ-то.

— Ты виновать, что меня прибить,—ты ихъ и угощай, а я не стану,

— А много ли вамъ, ребята, надо-то?—спросилъ Федоровъ.

— За чай за троихъ пятнадцать копѣекъ,—качаль объяснять одинъ изъ свидѣтелей,—да за три фунта кренделей двадцать четыре копѣйки, а всего тридцать девять копѣекъ.

— У меня, ребята, вамъ денегъ-то не хватитъ. Есть всего на всѣго восемьдесятъ копѣекъ. Извѣнѣе надо бутылку покупать, полтинникъ за нее платить, то гамъ и остается тридцать копѣекъ, а взять больше негдѣ. Такъ ужъ ты девяать-то копѣекъ имъ должна,—обратилъся Федоровъ къ Петрову.

— Ладно, что ужъ съ тобой дѣлать, я добавлю.

Сдѣлавъ расчетъ, тяжущіеся и свидѣтели покатили въ трактиръ доказывать мировую.

VII.

Поздно вечеромъ возвращались домой паша тяжущіеся и свидѣтели, довольные, веселые и шумно разговаривали между себою.

— Ладно, что вы, ребята, помирились.—говорилъ одинъ

изъ свидѣтелей:—вонъ, въ прошломъ году я подалъ прощеніе волостному суду на Зауголкина за то, что онъ меня среди деревни прибиль. Волостной судъ призналъ насъ обоихъ виноватыми и приговорилъ меня и его за драку на улицѣ аресту на два днѧ. мнѣ болѣно обидно показалось: я жаловался суду, потому что меня прибили, и меня же за это посадили подъ арестъ, а главное, наказать меня никто не просилъ. Я подалъ земскому жалобу на волостной судъ, отъ него мнѣ ничего добра не вышло. И пришлось въ казаматкѣ отдуваться двои сутки. Вотъ каково судиться на волостномъ судѣ. И вамъ того бы обоимъ не миновать; а теперь, разлюбезное дѣло: безъ всякихъ волокить, да и между собой стали прежними пріятелями.

— У меня такъ дѣло еще почище было,—началь другой свидѣтель.—Нѣкоторые изъ нашей деревни, въ томъ числѣ и я, продали одному купцу молоко. Условіе заключать ходили въ городъ. Самъ-то купецъ не живеть въ городѣ, а все дѣлаеть черезъ своего управляющаго, который въ то же время служить приказчикомъ у другого купца. Мы попросили съ заключеніемъ условія угодить настъ. У приказчика денегъ не привелось, онъ попросилъ своего хозяина, у котораго онъ служилъ приказчикомъ, дать намъ денегъ на четверть вина. Тотъ намъ далъ. И такъ мы надрызгались, что я не помню, какъ очутился въ участкѣ. Оказывается, что я шель улицей пьяный, свалился въ канаву, расшибъ себѣ до крови голову и тутъ же уснуль. Меня, доброго молодца, подобрали и отправили спать на бояре покойное мѣсто. Прошло два мѣсяца. Вдругъ я получаю повѣстку: вызываетъ меня земскій для допроса въ качествѣ свидѣтеля по обвиненію купца, который намъ подавалъ на водку, въ томъ, что онъ неумышленно панесъ мнѣ рану. Прихожу къ земскому. Оказывается, что надзира-

тель города составилъ на купца протоколъ, что тотъ напоилъ меня виномъ такъ, что я разбили себѣ голову, и тѣмъ по его винѣ нанесена миѣ рана. Земскій купца-то оправдалъ, а меня, за шатаніе по городу въ пьяномъ видѣ, приговорилъ аресту на сутки. Быть свидѣтелемъ—обратился въ обвиняемаго, и пришлось сутки отдуваться въ земскихъ каморахъ. И не приведи Богъ впередь знать съ судами. И удивительное это дѣло, ребята: вотъ у насъ ужъ перебывало нешь земскихъ начальниковъ и ни одного изъ нихъ не было настоящаго, который бы знать хорошо законы и крестьянское наше положеніе. Сначала послали намъ скотскаго доктора: винъ, онъ учился и умѣть скотину лѣчить и съ пей обращаться, а тутъ его заставили судить насть и устраивать по своему нашу жизнь; послѣ него поступилъ акцизный, который хорошо знать градусы водки; послѣ акцизного дали трехъ офицеровъ, которые вѣщены были сражаться, а на закрѣпку всего послали намъ актера, къ тому же еще мало поучившагося. Какъ они ни посудятъ, что они ни подѣлаютъ, имъ все съ рушъ сходитъ, а нашъ братъ и путайся съ ними.

— Да, братцы,—вмѣшился въ разговоръ третій свидѣтель,—иногда сердечные суды и натаскаѣтъ тебя изъ за пустяковъ за милую душу. Два года тому назадъ купецъ Соснинъ, производя вывозку лѣса изъ своей дачи, врубился въ мою полосу лѣса. На вывозкѣ управлять его довѣренный, то я на довѣренаго и подать жалобу. Земскій и сѣѣздъ мнѣ въ жалобѣ отказали, потому что за порубку долженъ отвѣтить самъ хозяинъ, а не его довѣренный. Мною быть представленъ по этому дѣлу акты, составленыѣ сотскимъ о порубкѣ лѣса,—и прошу сѣѣздъ выдать мнѣ обратно этотъ актъ, чтобы съ нимъ начинать новое дѣло. Въ сѣѣздѣ мнѣ сказали, что безъ свидѣтельства отъ какого-нибудь начальства,

они акта выдать мнѣ не могутъ. Обращаюсь къ земскому съ обвиненіемъ купца въ порубкѣ лѣса и съ просьбой выдать мнѣ свидѣтельство на получение акта. Земской мнѣ отвѣтилъ, что онъ не вправѣ указывать присутственнымъ мѣстамъ выдавать документы и что съѣздъ самъ по себѣ можетъ выдать мнѣ актъ. Подать я въ съѣздъ письменное заявленіе о выдачѣ акта и объяснилъ, что мнѣ отвѣтилъ земской. Съѣздъ мнѣ прошепіе возвратилъ обратно съ надписью объ отказѣ въ моей просьбѣ; обратился я съ жалобой на земскаго и на съѣздъ губернскому присутствію—и тамъ мнѣ отказъ. Что думаю за бѣда такая: съ такимъ пустяшнымъ дѣломъ не могу добиться никакого толку... взялъ да и подалъ просьбу министру внутреннихъ дѣлъ, сбѣяснивъ ему все мои мытарства. Только тогда земской мнѣ выдать свидѣтельство, а когда я его представилъ въ съѣздъ, то получилъ оттуда актъ. На дѣлѣ и вышло: чтобы получить изъ съѣзда актъ, представленный мною же, пришлось промыштарствовать цѣлый годъ, дойти до самого министра и израсходовать болѣе пяти рублей, есъ считая потерянаго въ дорогахъ времени. Да еще ладно, что у меня взялся хлопотать бывшій писарь Ираклій Васильевичъ, который въ дѣлахъ, какъ говорится, былъ „дока“, а то бы пришлось совсѣмъ отступиться: не онъ бы, ни-за-что не достать бы акта.

— Ну хоть и „дока“ былъ, Ираклій Васильевичъ,— сказалъ Петровъ—но едва его пережили. Не дай Богъ и впередъ имѣть такихъ писарей. За чѣмъ ни коснись въ правленіе—безъ вина или безъ подарка къ нему и не ходи. Какъ ткнешь ему въ зѣбы двугригоріевский или полбутылки, такъ скоро тебя отпустить; иначе, проморить цѣлый день, а не то не одинъ разъ сбродишь въ правленіе, да иногда еще и утку тебѣ подпустить. Такъ изъ-за его милости мнѣ пришлось худо-худо рублей во-

семь зря заплатить... Чтобы ему ни дна, ни покрышки!

Видите ли, у меня при немъ было дѣло такого рода: мои коровы попали на пожниу мужиковъ деревни Карповской; тѣ ихъ застали, да и подали на меня въ волостной судъ прошеніе, и просили взыскать съ меня двѣнадцать рублей за потраву. Вызвали нась на судъ. Я и говорю, что пожниу вытравили не однѣ мои коровы, а ранѣе попадалъ на нес скотъ моихъ сосѣдей, то и за потраву слѣдуетъ платить не одному мнѣ, а всѣмъ сообща. Въ доказательство того, что пожниу вытравили не однѣ мои коровы, я просилъ вызвать и допросить свидѣтелей. Судь въ моей просьбѣ отказали и присудили взыскать съ меня двѣнадцать рублей. Я подалъ жалобу на этотъ судъ земскому и объяснилъ въ ней, что судъ неправильно сдѣлалъ, что не допросилъ моихъ свидѣтелей, и просилъ рѣшеніе волостного суда отмѣнить. Но просьба моя осталась безъ послѣдствій, потому что въ рѣшеніи волостного суда не сказано, что я заявлялъ о допросѣ свидѣтелей. Вишь, писарь держалъ руку просителей, то онъ нарочно и не записалъ мое заявленіе. Такъ и пришлось заплатить всѣ двѣнадцать рублей.

— Вотъ ужъ, ребята, зато теперешній писарь на счетъ этого, такъ просто золото,—вмѣшался въ разговоръ Федоровъ:—что ни попроси его записать—не откажеть; да и запишетъ какъ—вѣдь толково; хотя и немного онъ размазываетъ, но все, что нужно, у него тутъ есть. И самъ то онъ парень хоть-куда: водки ни капли въ ротъ не береть, съ подарками къ нему и не суйся, по-толкуетъ съ тобой толкомъ, и не задержитъ тебя—что нужно сдѣлаетъ и сейчасъ же отпустить: за чѣмъ къ нему ни приди—ни въ чемъ у него нѣть отказу. Такъ въ прошломъ году я пришелъ къ нему посовѣтоваться на счетъ купленой земли. Вишь, земля-то, семнадцать десятинъ, по купчей крѣпости числится за покойнымъ мо-

имъ отцомъ, а сю пользуется вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ мой сосѣдъ. Я и хотѣлъ отъ сосѣда оттягать эту землю. Нисарь мнѣ сказалъ: „хлопотать тебѣ попусту: хоть земля по кучей крѣости и числится за твоимъ отцомъ, по ею владѣть, какъ и ты самъ говоришь, твой сосѣдъ болѣе двадцати лѣтъ; а по закону: кто пользовался болѣе десяти лѣтъ хоть и чужой землей, по считая ее своей—земля его. Тягаться о землѣ, тебѣ придется въ окружномъ судѣ; а тамъ стоить это дорого: не мало придется гербовыхъ марокъ по восемнадцать копѣекъ купить, да и не мало еще прогоновъ и суточныхъ чиновникамъ надо заплатить,—сще какъ дѣло решать не въ твою пользу, то съ тебя присудятъ взыскать судебяя и за веденіе дѣла издержки. Дѣло-то тебѣ и вскочить въ копѣчку; деньги-то ты попусту истрясешь, да и земли-то не получишь. Мой совѣтъ таковъ: лучше ты этого дѣла и не затѣвай, а то разорить оно тебя. Вѣдь пословица правду про судъ говорить: потрава не деньги, а тѣлка не хлѣбъ“. Я послушался его и не сталъ заводить дѣла; да ладно и сдѣлалъ: издержаться я бы издержался, и получить-то ничего не получилъ, только зря бы израсходовалъ деньги. Послѣ я достовѣрно узналъ, что нисарь говорилъ правду: мнѣ хлопотать о землѣ было совсѣмъ пусто.

Да, ребята, есть у насъ и очень хороший судь, окружный судь, но онъ намъ почти недоступенъ. Посудите сами, это ладно ли: по уголовнымъ дѣламъ, когда въ тюрьмѣ изпытываютъ арестанты, которыхъ иногда судь оправдываетъ, повѣстки о вызовѣ въ судъ безвозмездно вручаетъ наше же волостное правленіе, а если ты захочешь отыскивать судомъ свое имущество, безъ котораго иногда жить нечѣмъ, или же захочешь размежевать общую дачу, чтобы лѣсь не зря доводили, а каждый бы для себя хранилъ и съ умомъ бы пользовался,

то подай иргоны судебному приставу на тройку лошадей и суючныя для вручения повѣстокъ; а если необходимоѣхать члену суда и онъ имѣть большой чинъ, подай иргоны на шестерку лошадей.

Затѣмъ, ты долженъ избрать мѣсто жительства въ томъ городѣ, гдѣ находится окружный судъ; но мнѣ не бросить же свое хозяйство, и не жить изъ этого дѣла въ городѣ, можетъ быть цѣлые годы, какъ иногда тянутся эти дѣла. Приходится наймовать адвоката. А чуть коснется дѣло до адвокатовъ, они и оберуть тебя какъ липку. Сколько еще нужно переплатить гербовыхъ марокъ да пошлинь—не пересчитаешь.

Если судебная и за веденіе дѣла издержки тебѣ и присудятъ, но все равно иногда не получишь—съ отвѣтчика взять нечего,—у него нѣть имущества. Свидѣтельства же о бѣдности мнѣ не далутъ, потому что я исправный хозяинъ. Поэтому ты и рѣшишь: лучше ужъ не судиться—имѣть то имущество, которое у тебя въ рукахъ, а не то, которое у тебя когда-то будетъ, да еще будетъ-ли—это вопросъ.

Тотъ же окружный судъ выѣзжаетъ въ уѣздные города для разрѣшенія уголовныхъ дѣлъ, почему же опять не想要 въ это время разрѣшить гражданскія дѣла?

Между тѣмъ наши путники дошли до своей деревни и дружелюбно распрощавшись другъ съ другомъ, разошлись по домамъ.

VIII.

Въ слѣдующее воскресенье, въ сумерки, пара лошадей подвезла къ правленію земскаго начальника. Его встрѣтилъ одинъ разсыльный.

- Гдѣ писарь?—спросилъ земскій.
- Онъ ушелъ домой.
- Затѣмъ?

— Не злаю.

— Есть въ правлениі кто-нибудь?

— Никого неѣть. Погодите иемнго, я сейчастъ сбѣгаю за писаремъ.

— Иди, по только какъ можно живѣй.

Розсыльный со всѣхъ ногъ пустился за писаремъ, и вскорѣ возвратился съ нимъ.

— Что у вась за правление, что въ немъ, кроме розсыльного—никого неѣть,—встрѣтилъ писаря земскій.

— Я только что ушелъ къ себѣ въ деревню проѣздать домашнихъ,—объяснилъ писарь, стоя и руки понизвамъ.

— Если вы отлучаетесь, то правление оставлять одно нельзя. Когда старшины и вѣсъ въ немъ неѣть, долженъ находиться кандидатъ старшины или сельскій староста. Впередъ прошу вѣсъ соблюдать этотъ порядокъ, иначе, какъ узлаю, что правление осталось одно, посажу вѣсъ подъ арестъ.

— Хорошо.

— Покажите миѣ книги.

Писарь положилъ передъ земскими цѣлую кону книгъ.

— Почему это вы рѣшаете дѣла вами неподсудныя,—сказать земскій.—Вотъ, напримѣръ, уголовное дѣло о присвоеніи найденаго, если лицо, утерявшее имущество извѣстно, волостной судъ разбиралъ, а между тѣмъ, это дѣло подлежитъ моему вѣдѣнію.

— Принять дѣло къ разбору зависитъ не отъ меня, а отъ судей,—сказать писарь.

— Чего тутъ сваливать всю вину на судей, если двое изъ нихъ, решавшихъ это дѣло, неграмотные, а самъ предѣдатель едва выводить свою фамилию. Ты, какъ болѣе ихъ свѣдущій и долженъ разъяснить имъ статьи закона.

— Иногда я имъ и говорю, что таи по закону го-
правильно, а они рѣшаютъ по своему: мои разрешенія,
если они не захотятъ ихъ слушаться, ни къ чему не
идутъ—дѣла рѣшаютъ суды, а не я.

— Если они на слѣдующій разъ будуть разрѣшать
явному вонреи закону, то вы коні съ рѣшеній этихъ
дѣлъ представляйте мѣѣ. Я ихъ за невнимательное от-
ношеніе къ дѣлу подвергну дисциплинарному взысканію.
Они впередъ и будутъ поступать по закону.

— Служаюсь.

— Это что такое: вмѣсто проинумерованныхъ, проину-
рованныхъ, скрѣпленныхъ печатью и подписью книгу,
у васъ входящая и исходящая какія-то тетради бумаги.

— Вотъ уже скоро будетъ три мѣсяца какъ я зака-
зала типографіи изготовить эти книги, но почему-то она
до сихъ порь книгу не высыпаетъ; по книѣ типогра-
фіи и пришлось записывать на простыхъ тетрадяхъ, а
тамъ, послѣ, я, какъ получу книгу, изъ тетрадей и пе-
ренесу въ нихъ.

— Вы обязаны были своевременно заботиться объ
изготовлении книгу, а не писать на какихъ-то доскут-
кахъ бумаги; а чтобы у васъ на будущее время не бы-
ло въ казначеярии такихъ беспорядковъ, я сажу штрафую
на три рубля. Затѣмъ, у васъ очень медленно рѣшенія
приводятся въ исполненіе. Такъ, напримѣръ, есть у васъ
такія дѣла, какъ уже рѣшенія вошли въ законную силу
еще не одинъ годъ тому назадъ и до сихъ порь они не
приведены въ исполненіе. Ирону васъ не допускать
впередъ такой медленности при производствѣ дѣлъ.

— Хорошо. Только я иѣсколько разъ писать старо-
стамъ, чтобы они рѣшенія приводили въ исполненіе, по
они исполненіемъ не счищаютъ, почему и медленность
происходитъ отъ нихъ, а не отъ насъ.

— Если они медлятъ исполненіемъ вашихъ поруче-

ий, сообщайте мне, а у вась этого никогда не водится. Вотъ вы сами неосмотрительно поступили при заświadательствованіи условія обѣ отдачѣ Нокровымъ Васильеву скакоса въ аренду на девять лѣтъ, то вамъ со старшиной придется платить гербоваго штрафа рублей по семи.

— Мне кажется, условіе это было оплачено гербовымъ сборомъ.

— Но невѣолѣгъ: вы взяли гербовый сборъ только съ договоренной аренды въ годъ, а на самомъ дѣлѣ требуется при заświadательствованіи условій наблюдать, что если имущество сдается въ аренду на ивѣсколько лѣтъ, то чтобы гербовый сборъ быть исчисленъ съ суммы, причитающейся за весь арендуемые годы, а не съ одного, какъ оно у вась оплачено.

— Я этого не знать.

— Неиздѣлѣмъ закона нельзя отзываться.

Земскій уѣхатъ. Писарь повѣсить голову и думай: „сберегъ я трудовыхъ денекъ шестнадцать рублей, откладывая въ мѣсяцъ по два рублика, и хотѣть на нихъ себѣ шубу завести, а теперь ужъ не шуба: десять рублей придется заплатить штрафу, а на шесть рублей шубы не купинъ. Видно, въ старой заплатанной шубѣ и придется трепаться цѣлую зиму“.

И болыѣ горько у него сдѣлалось въ то время на душѣ.

12-го декабря 1901 года.